

Возможные миры и субстанции

Терехович В.Э., СПбГУ
v.terekhovich@gmail.com

Аннотация: Несмотря на то, что понятия возможных миров и субстанций являются очень важными в современной метафизике, существует сравнительно мало попыток объединить их. В статье рассматривается метафизическая модель возникновения и эволюции возможных миров в результате взаимодействия между субстанциями. Модель опирается на учение Лейбница о возможностях, согласно которой каждая сущность или возможность обладает тенденцией к существованию. Предполагается, что активность субстанций может быть непрерывно направлена на использование указанной тенденции всеми возможными способами. В результате согласованные и устойчивые взаимодействия между субстанциями способны породить устойчивые объекты в одном из множества миров. Таким образом, именно активность субстанций может породить переход от возможного к актуальному бытию в форме существования многих миров.

Ключевые слова: модальность, бытие, существование, виртуальная история, потенциальное состояние, активные субстанции, метафизика Лейбница

1. Введение

Проблема реальности возможностей, возможных объектов (поссибилий) и возможных миров является одним из самых сложных вызовов для метафизики. Вопрос онтологической природы возможностей и возможных миров приобрел особое значение, начиная с 1960 года, когда была разработана семантика модальной логики (Hintikka, 1970; Kripke, 1980; Herrick, 1999). Авторы рассматривали соотношение между бытием, существованием и реальностью возможных состояний дел в разных мирах (Adams, 1974; Resher, 1975; Loux, 1979; Forbes, 1985, Lewis, 1986; Blackburn, 1993; Fine, 1994; Chihara, 1998; Divers, 2002; Armstrong, 1997, 2004).

Некоторые авторы признавали, что модальность имеет статический и динамический аспекты, поскольку возможное состояние дел, в конце концов, должно перейти в актуальное состояние дел. Например, Адамс (Adams, 1974) считал, что возможные миры лучше мыслить как «мировые истории» или как согласованные наборы суждений. Хинтиikka (Hintikka, 1983) предположил, что возможные миры лучше рассматривать как сценарии, так что возможные индивидуумы могут обладать мировыми линиями в некоторых возможных мирах. Тем не менее, большинство исследователей в метафизике пренебрегали динамическим аспектом модальности. Мало кого интересовал вопрос, представляют ли возможные сценарии эволюцию актуальных или возможных объектов, а также как возможные сценарии связаны с возникновением возможных миров. Еще один нерешенный вопрос касается того, что происходит с возможными объектами и возможными мирами, которые так и не стали актуальными.

Традиция объединять субстанции, возможные объекты, возможности и возможные миры начинается с Лейбница (Leibniz, 1951, 1989). Позже возникновение нашего мира стало предметом философии процесса (Whitehead, 1969; Rescher, 2006), которая, как правило, противопоставляется метафизике субстанций (Hoffman & Rosenkranz, 1997; Loux, 1978, 2002; Lowe, 1998, 2006; Koslicki, 2008). Тем не менее, некоторые авторы утверждают, что субстанциональный и процессуальный подходы взаимно дополняют друг друга (Romer, 2006). Некоторые современные исследователи все еще продолжают связывать субстанции и подобные им сущности с понятием возможности.¹

В этой статье рассматривается одна из возможных метафизических моделей происхождения и эволюции возможных миров. Модель описывает механизм, в рамках которого любая субстанция переходит из возможной модальности в актуальную. Для этого привлекается непопулярная идея активных субстанций, создающих объекты и миры. Модель во многом основана на идеях Лейбница. Используется его концепция стремящихся возможностей, одновременно, игнорируется другая его идея о существовании только одного совершенного мира. Мы исходим из предпосылки, что каждая возможность субстанции имеет свою собственную сущность и стремится к существованию сразу во многих мирах. Среди бесконечного множества этих возможностей только одна возможность может существовать в конкретном мире. Для удобства аргументации каждая возможность субстанции разделяется на два аспекта — динамический (возможная или виртуальная история) и статический (возможное или потенциальное взаимное состояние). Используется классическое деление бытия на две модальности. В возможной модальности возможности субстанций обладают бытием (но не существованием) в форме отдельных возможных состояний и возможных историй. В актуальной модальности возможности субстанций существуют в форме актуальных состояний и актуальных историй объектов в одном из множества актуальных миров.

Основная гипотеза состоит в том, что обычные объекты получают свое существование в одном из множества миров благодаря стремлению субстанций к существованию. Предполагается, что активность субстанций непрерывно направлена на использование этой их способности всеми возможными способами, и именно, благодаря такой активности субстанций создаются объекты. Отсюда можно предположить, что созданные объекты наследуют эту тенденцию к актуализации максимального числа своих возможностей в конкретном состоянии дел конкретного мира. Такую тенденцию можно рассматривать как глобальную цель каждого объекта. В возможной модальности бытия, объекты как бы «тестируют» максимальное число возможностей для своего движения и изменения. Причем они делают это в каждом из своих актуальных состояний. Чтобы реализовать максимальное число своих возможностей, из каждого исходного актуального состояния объекты должны эволюционировать одновременно по всем виртуальным историям, возможным в данном состоянии дел. Согласно рассматриваемой модели, максимальное количество виртуальных историй объединяются в возможной модальности так, что в актуальной модальности существования возникает

¹ Например, Циммерман (Zimmermann, 2000) утверждает, что мир был произведен субстанциями из поля возможностей. Объекты нашего мира получают существование благодаря некоторому начальному возникновению мира, которое есть экстеризация субстанции, в том смысле, что субстанция разворачивает свою организационную структуру. Кауфман (Kauffman, 2002) исследует общие закономерности, управляющие классом коэволюционных самосоздающихся сообществ автономных агентов, и тенденцию, описывающую поток от уже актуализированных состояний к следующим возможным состояниям объекта.

актуальная история. При движении только по актуальной истории, объект способен занять максимальное число своих потенциальных состояний. Таким образом, и объекты, и субстанции достигают своей цели.

Структура статьи следующая. В разделе 2 кратко рассмотрены некоторые метафизические подходы к возможным объектам и возможным мирам. В разделе 3 описаны два аспекта возможностей — динамический и статический. В разделе 4 показано, что понятия «возможного объекта» или «возможного мира» являются избыточными. В разделе 5 для объединения понятий миров и объектов предлагается использовать понятие субстанции. В разделе 6 описана иерархическая структура трех уровней возможностей и трех этапов эволюции миров. В разделе 7 предложенная модель сравнивается с другими подходами к возможному миру: модальным реализмом, пессимизмом и актуализмом.

2. Возможные объекты и возможные миры

Существует широко распространенное мнение, что любой объект является объектом актуальным. Отсюда следует, что не-актуальные возможные объекты есть ничто. Согласно другому консервативному взгляду, любой объект — это существующий объект. В целом, все разнообразие взглядов на природу возможных объектов можно расположить между реализмом и номинализмом (Rescher, 1975; Lowe, 1998; Divers, 2002). *Реализм* рассматривает каждую возможность как нечто, существующее в действительности, независимо от того, что мы думаем о смысле понятий «существовать» и «актуальность». *Номинализм* отрицает любое существование и любую степень реальности возможных миров и возможностей; предполагается, что они существуют в нашем сознании только как имена, фикции или теоретические построения.

Точка зрения на возможные миры зависит от соотношения между бытием, существованием и реальностью. Например, *модальные реалисты* (Lewis, 1986) утверждают, что бесконечное число возможных миров существует в реальности и они так же актуальны, как наш мир. Соответственно, наш мир — лишь один из многих, таких же, как он. Возможные события и возможные объекты не менее реальны, чем актуальные события или объекты, а существовать в мире означает просто быть частью этого мира.

Для *классического пессимиста*, возможные объекты и возможные миры обладают бытием в онтологическом смысле, так что некоторые из них могли бы существовать в физическом мире. Однако, только один физический мир существует как актуальный, только он состоит из актуальных объектов, обладающих существованием.

Согласно *взглядам эссенциальных диспозиционалистов* (Shoemaker, 1984; Ellis, 2001; Bird, 2006, 2007), наш мир, в конечном счете, это лишь конгломерат объектов и ни к чему несводимых диспозиций. Диспозиционные свойства, в отличие от категориальных, представляются свойствами, которые не полностью проявляются в настоящем. Таким образом, эти свойства являются конечными онтологическими единицами, которые и объясняют все события. Любой объект, обладающий диспозиционной сущностью некоторой потенции, при условии воздействия определенного стимула предрасположен проявить соответствующую диспозицию в одном из возможных миров.²

² Берд (Bird, 2006) утверждает, что простые возможные объекты это не вещи, которые существуют (если это вообще вещи) в других мирах. Это вещи, которые обладают бытием в

Актуалисты (Adams, 1974) отрицают какую-либо реальность возможных объектов и заявляют, что все, что обладает бытием, то и существует как актуальная вещь. Нет ничего, что не является актуальной вещью, таким образом, физическое существование эквивалентно бытию. Возможные миры — это не более чем фикции, «эрзац» языковые конструкции, созданные внутри актуального мира. Они являются только абстрактными состояниями или условиями, при которых конкретный мир может получать бытие. Крипке (Kripke, 1980) утверждал, что термин «возможный мир» — это просто полезный инструмент языка для визуализации концепции возможности. Однако, некоторые из *актуалистов* (Plantinga, 1974) все же используют понятие неактуализированных индивидуальных сущностей. Подразумевается, что каждый объект имеет индивидуальную сущность, независимую от того, является ли этот объект актуальным или не-актуальным. Одна из версий актуализма — комбинаторизм — рассматривает возможные миры как определенного рода рекомбинации свойств и отношений объектов или состояний дел актуального мира (Armstrong, 1997).

Все реалистичные модели возможных миров сталкиваются с многочисленными трудностями. Например, не ясно, как возможные миры взаимодействуют друг с другом, и, если они взаимодействуют, то как это взаимодействие связано с причинностью? Однако, главный вопрос состоит в том, как возможные миры возникают и затем становятся актуальными? Номиналисты сталкиваются с другими проблемами. Как возможности и возможные миры переходят в актуальный мир: случайно или вследствие какого-то закона? В чем разница между объектами в актуальных и возможных мирах? Что происходит с возможными объектами и возможными мирами, которые никогда не станут актуальными?

В следующем разделе, для ответа на эти вопросы, будут использованы понятия возможных состояний и возможных историй.

3. Возможные состояния и возможные истории

Одним из главных препятствий в метафизике модальности является отсутствие четких определений, касающихся понятий «возможность», «возможные объекты», «возможные состояния дел» и «возможные состояния». Согласно модальной логике, если утверждение истинно во всех возможных мирах, оно считается *необходимым утверждением*. Утверждение, истинное только в некоторых возможных мирах, считается *возможным утверждением*.³ Эти понятия описывают возможности только статически. Тем не менее, есть и другой способ. Мы можем описать эволюцию возможного объекта или возможную историю возможного состояния дел.

Проведем мысленный эксперимент.⁴ Как правило, мы думаем о возможности двумя различными способами. Во-первых, мы думаем о состоянии дел или состоянии, которого мы

нашем мире, но не существуют в нем. Таким образом, нереализованные проявления возможностей являются частью нашего мира так же, как проявления, которые реализуются.

³ С точки зрения *эссенциализма*, возможность есть род сущности, а так называемая, *De re* модальность относится к модальным свойствам как к чему-то, изначально присущему объекту (Fine, 1994; Zalta, 2006). Нечто считается физически возможным, если оно разрешено законами физики. Проблемы соотношения физических и метафизических возможностей широко обсуждаются в литературе (Ellis, 2002; Della, Rocca, 2002; Mackie, 2006).

⁴ Наша способность к представлению или воображению различных положений дел часто рассматривается как признак возможности таких положений дел. Тем не менее, возникает

хотели бы достичь. Мы представляем множество возможных состояний и выбираем одно, основанное на конкретных критериях. Например, я представляю себя на тропическом острове. Во-вторых, для достижения выбранного возможного состояния, я пытаюсь представить в уме множество возможных последовательностей моих действий и действий других людей или вещей (возможных историй), которые все вместе смогут привести меня к выбранному состоянию. Я мог бы бросить работу или выиграть деньги и купить билет на остров. Если эти возможные истории, на мой взгляд, не соответствуют существующему положению дел, я возвращаюсь к первоначальному множеству возможных состояний и выбираю что-нибудь попроще. Например, я представляю себя в новом автомобиле. Хотя, на него у меня также нет денег, я считаю это возможное состояние более вероятным. Таким образом, я могу представить себе ряд дальнейших возможных историй, которые могли бы привести меня от существующего состояния дел к новому возможному состоянию.

С одной стороны, я могу активно влиять на последовательности возможных действий или возможных историй. С другой стороны, возможные состояния возникают как пассивные результаты возможной истории. Для удобства разделим возможность каждого объекта на два аспекта. Пусть *динамический аспект возможности* — это возможная история или направление изменений в отношениях объекта, иначе говоря, его возможная траектория в пространстве возможных событий. Пусть *статический аспект возможности* — это возможное взаимное состояние объекта и окружающей его среды или возможная форма его внутренних и внешних отношений с другими объектами.

Предположим, что актуальный объект определяется его актуальными состояниями в актуальном пространстве, а возможный объект определяется его возможными состояниями в различных пространствах возможных событий. Тогда любое изменение возможного состояния является возможным событием, а набор возможных состояний или событий может рассматриваться как возможная история. Причем, одно и то же возможное состояние может быть достигнуто многими возможными историями, а множество возможных историй может начаться с одного возможного состояния.

Интуиция подсказывает, что возможный остров, который я выбрал в мысленном эксперименте, не то же самое что остров актуальный. Но интуиция может ошибаться. Для *реалиста* разница между возможным и актуальным островом относительна. Когда *модальный реалист* считает, что остров возможен, он подразумевает такую возможность относительно мира, где существует сам модальный реалист. В одном из других миров этот остров будет вполне себе актуальным. *Номиналист* думает о возможном острове только как о конкретной вещи в актуальном мире. В обоих случаях, возможность острова относится к актуальному миру: к единственному миру номиналиста или одному из многих миров модального реалиста. Мы можем мыслить о актуальность острова, только если он является частью какого-то актуального мира: единственного или одного из многих. Таким образом, понятие острова жестко связано с понятием мира — актуального или возможного. Остров может быть только островом в мире. Тогда возможная история может также представлять возможную эволюцию возможного острова в одном из возможных миров (взгляд *поссибилизма*) двумя способами: (а) в качестве возможной эволюции актуального острова в единственном актуальном мире (взгляд *актуализма*) или (б) как возможную эволюцию актуального острова в одном из многих актуальных миров (взгляд *модального реализма*). Во всех случаях возможная история является

вопрос: действительно ли мыслимость влечет за собой возможность, или она доказывает ее, или это всего лишь хороший признак возможности? (Yablo, 1993; Chalmers, 2002).

динамическим аспектом возможности, отражающей направление изменений в связях возможного острова с другими объектами (в статическом аспекте возможности).

4. Что возможно: объекты и миры или состояния и истории?

Чтобы понять отношения между возможными состояниями, возможными историями и возможными мирами, следует определить само понятие «мир». Простейшее определение состоит в том, что мир — это все, что существует, независимо от того, что об этом думают отдельные люди. Следуя Хайдеггеру, мир — это то, в рамках чего возникают существа, а также поле или набор условий для любого внутримирного отношения (Mulhall 1996, p. 96). Когда мы думаем о мире, независимо от того, является ли он возможным или актуальным, мы подразумеваем что-то индивидуальное, целостное, взаимосвязанное и упорядоченное, некоторое внутренне единое множество объектов с общими свойствами. Упорядоченность мира проявляется как гармония, последовательность и согласованность между его объектами. Согласованные друг с другом объекты мира существуют, соотносятся и взаимодействуют по единым законам, обладающими некими общими математическими структурами. Чтобы быть целостным, мир должен обладать стабильностью. Стабильность является одним из основных свойств мира, потому что его внутренняя согласованность (проявляющаяся в виде законов) должна сохраняться после любых изменений. Таким образом, мир — это не любое множество объектов, но только изначально согласованное и устойчивое множество. Однако часть свойств объектов конкретного мира сохраняется после любых изменений в этом мире, другие же не сохраняются после некоторых изменений.

Объекты мира могут быть описаны через их состояния и истории в некотором пространстве. Поэтому, когда мы думаем о конкретном мире, мы подразумеваем, что состояния и истории объектов этого мира, по крайней мере, частично согласованы и устойчивы. Одно из полезных следствий внутренней согласованности и устойчивости мира состоит в том, что мы можем описать состояния и истории его объектов в терминах мировых линий в пространстве-времени этого конкретного мира.

Если мир есть совокупность согласованных и устойчивых объектов, то и каждый актуальный объект является согласованной и относительно устойчивой совокупностью его актуальных состояний и его актуальной истории. Соответственно, возможный объект — это множество не любых возможных состояний и возможных историй, а только согласованных и относительно устойчивых. Возможный объект автоматически должен мыслиться по отношению к одному из миров — актуальных или возможных. Если совокупность возможных состояний и историй несогласованна и не устойчива, то рассматривать какой-либо возможный объект просто не имеет смысла. Можно рассматривать отдельно возможные состояния или отдельно возможные истории в конкретном мире, но не возможный объект как нечто целое. Объект может иметь только одну мировую линию в конкретном мире. Мировая линия — это история изменений состояний объекта в пространстве-времени этого мира. Простая сумма этих возможных состояний и возможных историй еще не может называться возможным объектом. Таким образом, определение «возможный» не добавляет ничего нового к свойствам объекта, а значит, понятие возможного объекта является излишним. Вполне достаточно указать, принадлежит ли некоторый объект к возможному или актуальному миру. Но, если нет оснований использовать понятие «возможный объект», то остаются ли причины для использования понятия «возможные миры»? И актуальные и возможные миры являются

согласованными и устойчивыми множествами объектов, которые всегда актуальны. И актуальные и возможные миры состоят из возможных состояний и возможных историй своих объектов. Следовательно, определение «возможный» не добавляет ничего нового к свойствам конкретного мира, поскольку каждый такой мир имеет права просто мира, равные правам всех прочих миров. При этом конкретное состояние объекта может быть достигнуто многими возможными историями, и одновременно может дать начало многим другим возможным историям, ведущих к новым возможным состояниям.

Из приведенных рассуждений следуют три вывода.

1. Любой объект и любой мир — это всегда просто объект и просто мир. Мы можем называть их актуальными, но это определение является излишним, поскольку ничего не добавляют к их описанию.

2. Число миров ограничивается только возможными математическими структурами, характеризующими форму внутренней упорядоченности конкретного мира.

3. Только состояния и истории объектов (но не миры и не объекты) могут быть возможными.

Как уже упоминалось в разделе 2, существуют несколько точек зрения на возможные миры: (а) *модальный реализм*, (б) *поссибилизм*, (в) *эссенциальный диспозиционализм*, (г) *актуализм* (Рис. 1).

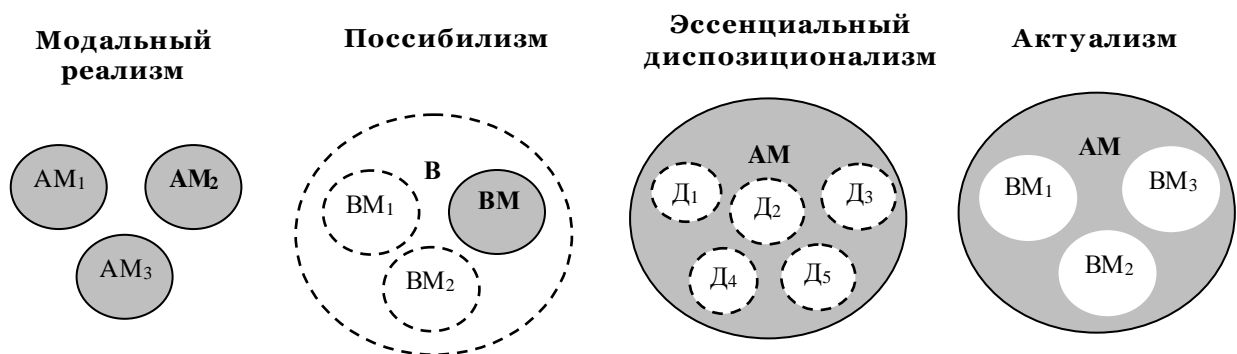

Рис. 1. Точки зрения на природу возможных миров (WM) и их отношения с актуальными мирами (AM) и возможностями (B). Серый фон означает «актуальность», белый фон означает «возможность». Сплошные линии означают «существование», пунктирные линии означают «бытие», отсутствие линий означает «не бытие» и «не существование».

Сформулируем еще одну гипотезу. Пусть существует общая совокупность отдельных несогласованных и неустойчивых возможных состояний и возможных историй, и только некоторые из этих, будучи согласованными и устойчивыми, образуют объекты (всегда актуальные), которые объединяются в различные миры (тоже всегда актуальные). Объекты существуют благодаря их взаимодействию в одном из миров в соответствии с неизменными общими законами, опирающимися на устойчивые математические структуры (Рис. 2).

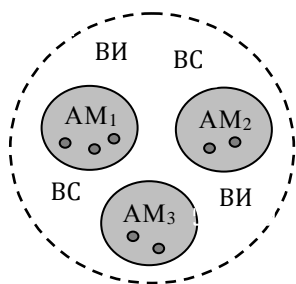

Рис. 2. Актуальные объекты в разных актуальных мирах (АМ) возникают из разделенных возможных состояний (ВС) и возможных историй (ВИ).

Эта гипотеза напоминает точку зрения модального реализма, но предположение Льюиса о взаимной причинной изоляции миров представляется слишком строгой. Представим себе два мира А и Б и рассмотрим отношения между их объектами. Если множество возможных состояний и возможных историй несогласованно и неустойчиво в А-мире, но согласовано и устойчиво в Б-мире, мы можем предположить, что такие возможности могут дать существование только объектам Б-мира. В А-мире, объекты, взаимодействующие только с другими объектами А-мира — это всегда актуальные объекты. В Б-мире, объекты, которые не взаимодействуют с объектами в А-мире, не имеют ни возможного, ни актуального статуса в А-мире.

Можно представить еще один способ взаимодействия. Например, объект в Б-мире взаимодействует с возможными состояниями и историями другого объекта в А-мире, но при этом он не имеет достаточной стабильности в А-мире. Теоретически, это взаимодействие возможно, если отдельные основные свойства объекта в Б-мире не совпадают с основными свойствами А-мира. С точки зрения А-мира такой объект может восприниматься через понятие *виртуального объекта* в А-мире, так как он отчасти присутствует в А-мире, хотя и не в актуальной форме. Виртуальный объект в А-мире не может наблюдаться там напрямую, но он способен косвенно повлиять на другие объекты в А-мире.

В следующем разделе будет показано, что понятия объекта недостаточно для описания взаимодействий между различными мирами, и как может помочь понятие субстанции.

5. Субстанции существуют до объектов

Похоже, что мы пришли к кругу в определении. Любой объект может быть только объектом в конкретном мире, а любой мир может быть только миром объектов. Что же здесь первично: объекты, миры или что-то еще? Мы сможем решить эту проблему, только если найдем некоторые базовые элементы, которые связаны и с мирами и с объектами, но для своего бытия или существования не нуждаются ни в мирах, ни в объектах. Этими базовыми элементами не могут быть какие-либо частицы материи, так как частицы сами по себе уже объекты в мире. Эти искомые базовые элементы должны быть основным объектом реальности. Они должны обладать внутренней активностью — способностью изменять себя и другие

базовые элементы. В истории философии было предложено множество понятий для обозначений подобных базовых элементов: атомы (Демокрит), субстанции (Декарт, Спиноза), монады (Лейбниц), чистое Я (Фихте), воля (Шопенгауэр) и многие другие. Я предпочитаю понятие «субстанция», но с ним есть некоторые трудности.

Во-первых, философские взгляды на субстанцию весьма разнообразны и противоречивы (Hoffman & Rosenkranz, 1997; Lowe, 1998, 2006; Loux, 1978, 2002; Koslicki, 2008). Реалисты говорят, что субстанции являются сущностями независимыми от нашего восприятия, а объекты — это только результат активности и взаимодействия между этими сущностями. Анти-реалисты утверждают, что субстанции — это просто формы отношений между объектами или просто имена для восприятия объекта. Они также добавляют, что индивидуальный объект не что иное, как набор или пучок свойств, имеющий метафизический приоритет над объектами.

Во-вторых, философия процесса (Whitehead, 1969; Rescher, 2006) выступает против метафизики субстанций. В отличие от субстанционального взгляда на реальность с его акцентом на том, что есть, процессный подход анализирует становление и то, что и каким образом происходит. Недостаток метафизики субстанций видится в том, что она фокусируется на дискретных, счетных, статических индивидуумах и пренебрегает динамическими аспектами.⁵

Согласно Лейбницу (Leibniz, 1989), субстанции — это существа способные действовать. Это означает, что они наделены примитивными активными и пассивными силами (р. 159, 207). Лейбниц сформулировал теорию стремящихся возможностей (Leibniz, 1951), где показал различие между сущностью (природой вещи) и существованием (р. 347-349). Он постулировал, что возможность или непротиворечивость есть руководящий принцип сущности. Каждая сущность (возможная вещь), как правило, сама по себе стремится к существованию, но актуально существовать будет только та, которая имеет наибольшее совершенство или наибольшую степень сущности, а значит, в одно время объединит в себе наибольшее количество возможностей. Однако, учение о стремящихся возможностях, похоже, не очень согласуется с другими принципами Лейбница, например, с доктриной Божественного выбора, определяющего, какой из возможных миров будет существовать.⁶

Далее в качестве гипотезы предлагается модель, частично опирающаяся на идеи Лейбница. Допустим, что субстанция представляет собой единую целостную сущность, имеющую внутри себя источник активности. Благодаря самодвижению, сущность субстанции для своего бытия не нуждается ни в других субстанциях, ни в каких-либо объектах, ни даже в мирах с их пространством и времененем. Вероятно, все-таки существует Нечто, необходимое для бытия субстанций, но мы будем считать, что ничего о Нем не знаем.

Предположим далее, что основное свойство субстанций заключается в их активности или в способности действовать. Действовать — означает создавать, изменять и поддерживать возможные связи с другими субстанциями. Активность субстанций постоянно направлена на использование этой способности всеми возможными способами. Допустим, что сущность и

⁵ Недавно ряд авторов (Eppersen, 2004; Stapp, 2007) к старому аргументу самоорганизации добавили аргумент из интерпретации квантовой механики. Вместо предположения, что микрообъекты объединяются и производят стандартные процессы, современная физика рассматривает очень маленькие процессы (квантовые явления), которые создают обычные макро-объекты.

⁶ Подробнее эта проблема рассмотрена авторами Blumenfeld (1973) и Shields (1986).

цель бытия субстанции состоит в применении этой способности. Допустим также, что взаимодействия между субстанциями не ограничиваются ничем, кроме аналогичной активности других субстанций. Эти взаимодействия могут быть согласованными или не согласованными, устойчивыми или не устойчивыми. Согласованные и стабильные взаимодействия между субстанциями могут порождать относительно стабильные объекты в конкретном мире. Таким образом, можно предположить, что объекты создаются активностью субстанций.

Если расширить учение Лейбница о возможностях, стремящихся к существованию, можно представить, что каждая возможность субстанции имеет свою сущность и стремится к существованию в каком-либо мире. Среди бесконечного множества возможностей, только одна может существовать в одном из множества миров. Если каждую возможность субстанции разделить на статический (возможные состояния) и динамический (возможные истории) аспекты, тогда можно говорить о двух формах или двух модальностях бытия возможностей субстанций. В возможной модальности субстанции находятся в виде разделенных возможных состояний и возможных историй. Только в актуальной модальности они существуют в виде состояний объектов и историй в одном из многих миров.

Следствием подобных предположений является то, что основные особые свойства каждого мира, в том числе свойства его пространства и времени, и его объектов определяются способами взаимодействия между субстанциями. Это означает, что объекты следует рассматривать только в их связи с конкретным миром, в то время как за пределами этого мира следует говорить только о субстанциях. Для описания взаимодействий между субстанциями, которые еще не породили устойчивые объекты, можно было бы использовать концепцию хаоса, вакуума или аналогичные им.

В следующем разделе я попробую объединить две гипотезы: (а) о том, что некоторые из возможных состояний и возможных историй становятся согласованными и порождают устойчивые объекты (актуальные), которые объединяются в различные миры; и (б) о том, что взаимодействие между субстанциями порождает устойчивые объекты в конкретном мире.

6. Миры возникают благодаря взаимодействиям между субстанциями

Мы еще не затрагивали вопрос о том, где находятся отдельные возможные состояния и возможные истории до того, как они образовали конкретные объекты в конкретном мире. С одной стороны, возможные состояния и возможные истории могут присутствовать в разных мирах. С другой стороны, внутри одного мира, конкретное состояние объекта может быть достигнуто многими возможными историями, а каждое новое состояние может дать начало многим возможным историям, ведущим к новым возможным состояниям. Так в чем же разница между возможными состояниями и возможными историями, принадлежащими объектам из разных миров?

Я полагаю, что вместо понятия возможного мира более точно использовать понятие *множества* или *кластера всех возможных альтернативных разделенных состояний и историй*, до того, как они стали согласованными и устойчивыми. В конкретных условиях подобные кластеры могут создать некоторое количество стабильных объектов, а значит, могут возникнуть миры объектов. Чтобы избежать лингвистической путаницы, термин кластер заменим на понятие *«прото-мир»*. Для различения возможных состояний и возможных историй конкретного прото-мира с возможными состояниями и историями, не принадлежащими ни

одному из прото-миров, последние я буду называть «*потенциальные состояния*» и «*виртуальные истории*». Термин *потенциальные* означает скрытые и при определенных условиях способные существовать актуально. Термин *виртуальные* означает имеющие сущность или влияние, но без проявления в актуальности.

Теперь представим, как миры могли бы возникнуть и развиваться благодаря взаимодействию между субстанциями. Разделим этот процесс на три стадии или уровня (Рис. 3).

Уровень I: «чистые возможности». Еще нет никаких миров и объектов. Есть только активные самодовлеющие субстанции, обладающие способностью и возможностью создавать, изменять и поддерживать возможные отношения с другими субстанциями. Каждая такая возможность может иметь два аспекта. Статический аспект объединяет все возможные статические формы взаимодействия субстанций. Динамический аспект объединяет все возможные процессы создания и изменения связей между субстанциями.

Уровень II: «прото-миры». Все возможности субстанций имеют индивидуальные свойства, часть из которых совпадают. Некоторые множества возможностей с общими свойствами объединяются друг с другом и создают отдельные потенциальные состояния и виртуальные истории в рамках одного из прото-миров. Общие свойства прото-мира могут позволить потенциальным состояниям и виртуальным историям создавать будущие объекты. На этом уровне, только с точки зрения модальной семантики можно использовать понятие *возможных объектов*, как того, что может возникнуть в конкретном прото-мире.

Уровень III: «миры». В одном из прото-миров некоторое число виртуальных историй, рано или поздно, становятся упорядоченными или согласованными друг с другом. В первый момент возникновения такой согласованности возникает первая актуальная история, которая приводит к первому актуальному состоянию первого объекта. Возникает новый мир. В этом мире каждая актуальная история и каждое актуальное состояние будет объединять максимальное число виртуальных историй и потенциальных состояний конкретных объектов.

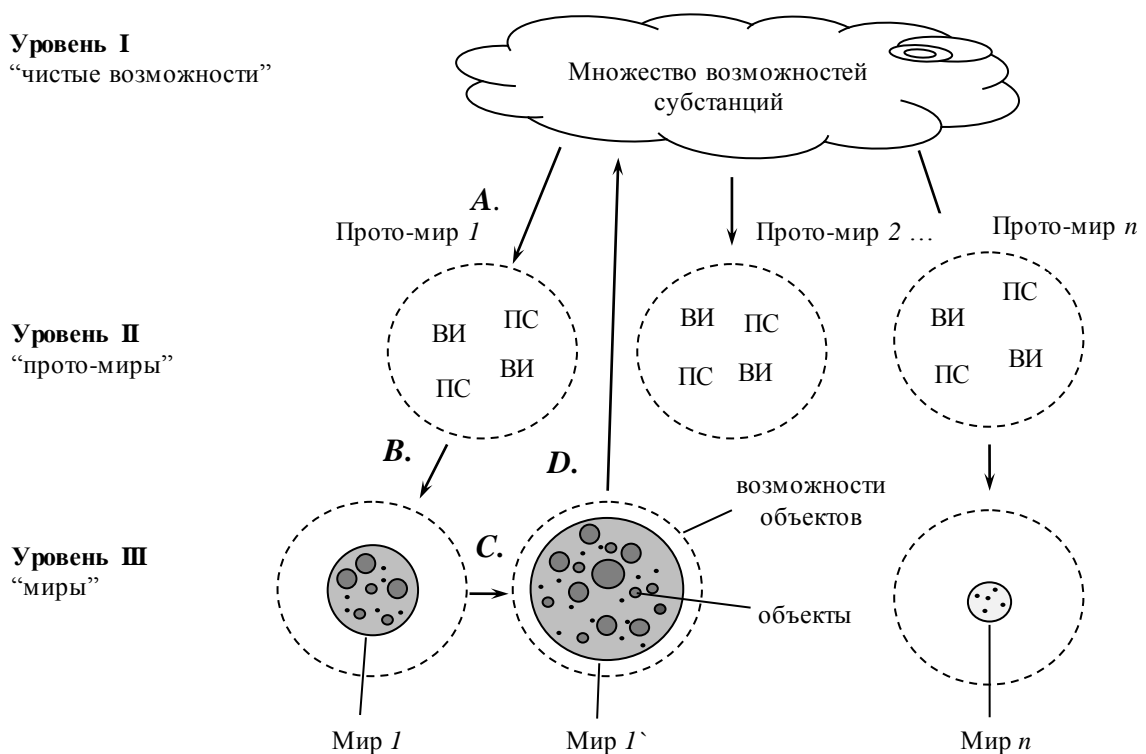

Fig. 3. Уровни возможностей и этапы эволюции миров. А: возможности с общими свойствами объединяются и создают отдельные потенциальные состояния (ПС) и виртуальные истории (ВИ) в рамках одного из прото-миров. В-С: внутри одного из прото-миров возникает мир объектов, который растет по мере того, как его возможности реализуются в актуальных состояниях и историях объектов. D: когда все возможности мира превратятся в актуальные истории и актуальные состояния, такой мир перестает существовать.

Рассмотрим некоторые последствия описанной трехуровневой модели. Первое касается причинно-следственных связей, второе относится к конечной цели эволюции мира.

Объекты получают свое существование в конкретном мире благодаря первичному стремлению субстанций к существованию. Следуя субстанциям, объекты также стремятся актуализировать максимальное количество своих возможностей в каждом состоянии конкретного мира. Эта тенденция может рассматриваться как глобальная цель каждого объекта. В возможной модальности бытия объекты в каждом из своих актуальных состояний пробуют максимальное число возможностей для своей эволюции. Для достижения этой цели, из каждого исходного актуального состояния объекты эволюционируют сразу по всем виртуальным историям, которые возможны в данном состоянии дел. Затем, благодаря суммированию историй в возможной модальности, максимальное число виртуальных историй объединяются в актуальную историю в актуальной модальности бытия. Ведь только двигаясь вдоль такой актуальной истории, объект сможет занять максимальное число своих потенциальных состояний. Таким простым и универсальным способом субстанции могут достичь своей цели — использовать свою активность максимальным числом способов.

Предположим, что внутренняя активность субстанций вызывает непрерывные колебания объектов вблизи их устойчивых, а значит актуальных состояний и историй. После любого изменения своего окружения, объект будет вести себя так, как будто он ищет новые устойчивые состояния и как будто стремится вдоль новой устойчивой истории. На самом деле, в каждой новой ситуации, объект будет эволюционировать сразу по всему набору своих виртуальных историй, которые благодаря их объединению каждый раз создают новую актуальную историю. Таким образом, истинные причины явлений III-го уровня следует искать на II-м уровне. Объекту не нужно знать заранее, какая из его виртуальных историй будет актуальной. Объекту не нужно выбирать конкретную актуальную историю. Взаимная игра все новых и новых виртуальных историй объекта сама по себе будет создавать актуальную историю объекта. Это означает, что привычный взгляд на причинность, как на взаимное влияние одних актуальных объектов на другие, можно оставить только для решения практических задач, но не для понимания истинных причин. Процесс, когда бытие объекта изменяется от возможной модальности к актуальной, приводит к более общему процессу, в котором актуальная реальность каждого мира постоянно возникает из взаимодействия всех возможностей всех объектов этого мира.

Согласно предлагаемой метафизической модели, конечная цель эволюции конкретного мира может заключаться в реализации максимального числа возможностей или способностей объектов в их взаимодействии с другими объектами этого мира. Однако, реализовать все возможности сразу невозможно, это противоречит самому понятию возможности. Для достижения этой глобальной цели, объекты мира должны пройти длительный процесс постепенного усложнения. Можно предположить, что чем больше сложности и иерархичности

у объекта, тем больше возможностей он может актуализировать. С одной стороны, не актуализированная возможность должна исчезнуть, с другой стороны, каждая из них должна принять участие в эволюции мира. Как это можно совместить? Похоже, что и здесь на помощь придет разделение бытия на две модальности. Достаточно допустить, что не актуализированные виртуальные истории и потенциальные состояния продолжают свое бытие в возможной модальности и продолжают влиять на истории и состояния, которые существуют в актуальной модальности.

После исчерпания всех своих возможностей, конкретный объект достигает своей цели и должен закончить собственное существование в конкретном мире. Тем не менее, после исчезновения объекта его информация не может просто так исчезнуть, это противоречило нашему предположению об основной цели субстанций. Информация о реализованных возможностях, скорее всего, должна быть как-то распределена между оставшимися объектами этого мира. Если множество виртуальных историй и возможных состояний прото-мира ограничено, то рано или поздно, их полный переход в актуальность приведет к исчезновению целого мира. Тогда, к сожалению, наша Вселенная тоже исчезнет. К счастью, если число субстанций и их возможностей бесконечно, количество прото-миров тоже должно быть бесконечным.

7. Заключение

Цель этой статьи состояла в анализе одной из моделей происхождения и эволюции возможных миров. Была использована часто отвергаемая идея активных субстанций, которые создают все объекты и миры. Любая новая метафизическая конструкция будет полезнее других только при условии, что она предложит лучшее решение старых метафизических проблем. В то же время, новая модель не должна полностью отрицать существующие точки зрения на философский статус возможных миров, скорее она должна попытаться объединить их части более или менее последовательным образом.

Сравним предложенную модель с другими подходами к возможным мирам. Похоже, *модальный реализм* прав в том, что один актуальный объект или индивидуум не может существовать в двух разных мирах. Он также прав, что все возможные миры существуют в равной степени и могут называться актуальными мирами. Хотя, предположение Льюиса о причинной изоляции миров друг от друга — излишне строгое. Если объект является простой и относительно стабильной формой взаимодействия между субстанциями, те же субстанции, в принципе, могли бы принять участие в создании объектов не только в одном мире, но и во многих мирах. Это означает, что объекты могут быть связаны друг с другом через их общий источник существования, а именно, через субстанции. С одной стороны, объекты разных миров несовместимы, поскольку слишком разные свойства их прото-миров, в первую очередь — условия их устойчивости. С другой стороны, виртуальные истории и потенциальные состояния в разных мирах могут влиять друг на друга. Например, виртуальная история, проявляя себя как виртуальный объект в *А-мире*, одновременно может создать актуальную историю в *Б-мире*, тем самым создать объект в *Б-мире*. Следовательно, объекты разных миров все-таки могут взаимодействовать друг с другом, хотя и не напрямую, а через виртуальные объекты своих миров. Таким образом, обмен информацией между мирами возможен.

Сторонники *поссибилизма*, возможно, правы в том, что каждый мир уникален, ведь его прото-мир объединяет виртуальные истории и потенциальные состояния, обладающие вполне

определенным набором общих свойств. Тем не менее, эта уникальность не означает, что мир только один. Поссибилизм также прав, что все возможные объекты и все возможные миры обладают онтологическим статусом. Тем не менее, они путают понятие «возможный объект» с понятиями «возможные состояния» и «возможные истории» объектов. Добавление слова «возможный» к объектам или мирам является излишним. Можно говорить о существовании только прото-мира потенциальных состояний и виртуальных историй, но это еще не возможный мир.

Сторонники *актуализма* или *модальной логики*, похоже, правы в том, что потенциальные состояния и виртуальные истории еще не существуют в мире. Хотя, они ошибаются, называя множество возможных состояний и возможных историй «возможными мирами», по сути, возможный мир — это просто метафора. Согласно предлагаемой модели, возможные состояния и возможные истории находятся в возможной модальности бытия. Актуалист, возможно, прав в том, что в актуальном мире есть скрытые возможные состояния и истории. Тем не менее, об этом можно говорить только для конкретного мира с заданными граничными условиями. Не все возможные формы взаимодействия субстанций могут быть актуализированы в каждом из миров.

Описанная выше модель может быть использована в построении онтической версии *структурного реализма* (Cao, 2003; Ladyman et. al., 2007), особенно в отношении дилеммы: существуют ли структуры и без индивидуумов или структуры существуют как отношения индивидуумов. Возможно, эта дилемма может быть решена, если прото-миры (II-го уровень) существуют как актуальные структуры, состоящие из множества виртуальных историй и потенциальных состояний. Мы можем рассмотреть объекты конкретного мира (III-й уровень) как квази-индивидуумы, поскольку их свойства определяются их отношениями в структуре их мира. В этом случае, истинные индивидуумы — это субстанции, которые определяют свойства структуры каждого прото-мира.

Мы попытались рассмотреть набор понятий и отношений между возможными мирами, возможными состояниями и возможными историями. Результаты этой работы были заранее ограничены тем, что любое исследование возможных миров сталкивается с двумя трудностями. Во-первых, *проблема обобщения*, состоящая в том, что мы используем одно и то же слово «возможный» для обозначения очень разных понятий: мир, объект, состояние или история. Во-вторых, *проблема психологизма*, когда мы пытаемся перенести свойства собственных частных осознаваемых возможностей на онтологические свойства любых возможностей. Несомненно, автор не избежал этих ограничений, но это была интересная попытка.

Литература/References

- Adams, R.M. (1974). Theories of Actuality. *Noûs*, Vol. 8, No. 3, 211–231.
- Armstrong, D. M. (1997). *A World of States of Affairs*. New York: Cambridge University Press.
- Armstrong, D. M. (2004), *Truth and Truthmakers*, Cambridge University Press.
- Bird, A. (2006). Potency and Modality. *Synthese*. 149, 491–508.
- Bird, A. (2007). *Nature's metaphysics: Laws and properties*. Clarendon Press.
- Blackburn, S. (1993). *Essays in Quasi-Realism*. Oxford: Oxford University Press.
- Blumenfeld, D. (1973). Leibniz's theory of the striving possibles. *Studia Leibnitiana*, 163-177.
- Cao, T. Y. (2003). Structural realism and the interpretation of quantum field theory. *Synthese*, 136(1), 3-24.

- Chalmers, D. J. (2002). *The components of content. Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings*. Oxford University Press.
- Chihara, C. (1998). *The Worlds of Possibility*, Oxford University Press.
- Della Rocca M. (2002). Essentialism vs. essentialism. In Tamar Gendler & John Hawthorne (eds.), *Conceivability and Possibility*. Oxford University Press. 223—252.
- Divers, J. (2002). *Possible Worlds*. London: Routledge.
- Ellis, B. (2001). *Scientific Essentialism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ellis, B. (2002). *The Philosophy of Nature: A Guide to the New Essentialism*, Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Epperson, M. (2004). *Quantum Physics and the Philosophy of Alfred N. Whitehead*. Fordham University Press.
- Fine, K. (1994). Essence and Modality. In *Philosophical Perspectives* 8, ed. J. Tomberlin, 1-16.
- Forbes, G. (1985). *The Metaphysics of Modality*. Oxford: Clarendon Press.
- Herrick, P. (1999). *The Many Worlds of Logic*. Oxford: Oxford University Press.
- Hintikka, J. (1970). The Semantics of Modal Notions and the Indeterminacy of Ontology. *Synthese*, 21, 408-424.
- Hintikka, J. (1983). Situation. Possible worlds, and Attitudes. *Synthese*, 54 (1), 153-162.
- Hoffman, J. & Rosenkranz, G. S. (1997). *Substance: Its Nature and Existence*. London: Routledge.
- Kauffman, S. (2002). *Investigations*. Oxford University Press.
- Koslicki, K. (2008). *The Structure of Objects*. Oxford: Oxford University Press.
- Kripke, S. (1980). *Naming and Necessity*. Cambridge: Harvard University Press.
- Ladyman, J., Ross, D., Spurrett, D., & Collier, J. G. (2007). *Every thing must go: Metaphysics naturalized* (Vol. 61). Oxford: Oxford University Press.
- Leibniz, G. W. (1951). *Leibniz: Selections*, ed. Philip P. Wiener. New York: Scribner's.
- Leibniz G. W. (1989). *Philosophical Essays*. Ed. by R. Ariew and D. Garber. Indianapolis: Hackett.
- Lewis, D. K. (1986). *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Blackwell.
- Loux, M. J. (1978). *Substance and attribute: a study in ontology* (Vol. 8). Springer.
- Loux, M. J. (Ed.) (1979). *The Possible and the Actual: Readings in the Metaphysics of Modality*. Cornell University Press.
- Loux, M. J. (2002). *Metaphysics: A Contemporary Introduction*. Routledge Contemporary Introductions to Philosophy Series (pp. 106-107, 110). Taylor & Francis.
- Lowe, J. (1998). *The Possibility of Metaphysics: substance, identity and time*. Oxford: Clarendon Press.
- Lowe, J. (2006). *The Four-Category Ontology: a metaphysical foundation for natural science*. Oxford: Clarendon Press.
- Mackie P. (2006). *How Things Might Have Been: Individuals, Kinds, and Essential Properties*. Published in the United States by Oxford University Press
- Mulhall, S. (1996). *Heidegger and Being and Time*. Routledge.
- Plantinga, A. (1974). *The Nature of Necessity*. Oxford: Clarendon Press.
- Rescher, N. A. (1975). *Theory of Possibility: A Constructivistic and Conceptualistic Account of Possible Individuals and Possible Worlds*. University of Pittsburgh Press.
- Rescher, N. (2006). *Process Philosophical Deliberations*. Frankfurt: Ontos Verlag.
- Romer, H. (2006). Complementarity of process and substance. *Mind and Matter*, 4(1), 69-89.
- Shields, C. J. (1986). Leibniz's Doctrine of the Striving Possibles. *Journal of the History of Philosophy*. 24(3), 343-357.

-
- Shoemaker, S. (1984). *Identity, Cause, and Mind*. Oxford: Oxford University Press.
- Stapp, H. (2007). *Mindful Universe: Quantum Mechanics and the Participating Observer*. Berlin: Springer Verlag.
- Whitehead, A. N. (1969). *Process and Reality*. New York.
- Yablo S. (1993). Is conceivability a guide to possibility? *Philosophy and Phenomenological Research*, 53 (1), 1-42.
- Zalta, E. N. (2006). Essence and modality. *Mind*. 115 (459), 659-693.
- Zimmermann, R. E. (2000). Loops and Knots as Topoi of Substance Spinoza Revisited. *arXiv preprint arXiv: gr-qc/0004077v2*.